

*Ю. Г. Акимов**

ЕВРОПЕЙСКИЕ ИСТОЧНИКИ ТРАНСФОРМАЦИИ ОТНОШЕНИЯ РУССКИХ К ХРИСТИАНИЗАЦИИ АБОРИГЕНОВ СИБИРИ В ПЕТРОВСКУЮ ЭПОХУ**

В статье рассматриваются изменения, произошедшие в русской политике по отношению к коренному населению Сибири в период правления Петра I. Основное внимание уделяется переходу к массовой и местами насильственной христианизации аборигенов в первые десятилетия XVII в. Отмечается, что значительное влияние на это оказала трансляция европейского знания, интенсивность которой в то время качественно возросла. Особо выделяются следующие факторы. Во-первых, проникновение в Россию информации о миссионерской и просветительской деятельности, осуществляемой среди язычников монахами-миссионерами в разных точках Земного шара. Во-вторых, стремление Петра I к рационализации, упорядочиванию и единообразию в государственном масштабе. В-третьих, взгляды царя-преобразователя на прогресс и движение от «варварства» и «цивилизации», получившие распространение в то время. В-четвертых, его стремление копировать структуру европейских колониальных держав.

Ключевые слова: Петр I, Сибирь, аборигены, христианизация, Русская православная церковь, трансляция знания, европейский опыт миссионерской деятельности, церковно-государственные отношения, европоцентризм.

Yu. G. Akimov

EUROPEAN SOURCES FOR THE TRANSFORMATION OF RUSSIANS' ATTITUDES TOWARDS THE CHRISTIANIZATION OF THE ABORIGINES OF SIBERIA IN THE PETER THE GREAT ERA

The article examines the changes that took place in the Russian policy towards the indigenous population of Siberia under Peter the Great. It focuses mostly on the transition

* Акимов Юрий Германович, профессор, доктор исторических наук, Санкт-Петербургский государственный университет; y.akimov@spbu.ru

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20–011–42008 «Петр Великий: pro et contra. Личность и реформы Петра Великого в философско-культурологической и политологической рефлексии. Российский опыт и зарубежные контексты».

to large-scale and partly forcible Christianization of the aborigines in the first decades of the seventeenth century. It is noted that the translation of European knowledge, the intensity of which at that time qualitatively increased, had a significant impact on this process. The following factors can be highlighted. First, the penetration into Russia of information about missionary work carried out among pagans by monks-missioners in different parts of the world. Secondly, the lust of Peter I for rationalization, order and uniformity on a national scale. Thirdly, the views of the Tsar-reformer on progress and transition from “barbarism” to “civilization”, which were widespread at that time. Fourth, his ambition to copy the structure of the European colonial empires.

Keywords: Peter I, Siberia, Siberian Natives, Christianization, Russian Orthodox Church, Translation of Knowledge, European missionary experience, Relations between Church and State, Eurocentrism.

К началу петровской эпохи Россия представляла собой обширное государство, в состав которого помимо его исторического «ядра», расположенного в Восточной Европе, входили огромные пространства северо-восточной Азии — Сибирь и часть Дальнего Востока. Эти пространства начали осваиваться русскими сравнительно недавно (по отношению к рассматриваемому нами периоду) — в конце XVI — середине XVII в., однако над ними был достаточно быстро установлен весьма эффективный контроль. Коренное население Сибири и Дальнего Востока, состоявшее из множества относительно малочисленных народов, было вынуждено подчиниться русской власти (хотя процесс подчинения далеко не всегда происходил мирно и безболезненно) и превратилось в объект государственной политики. При Петре I в этой политике, а также в восприятии русскими коренного населения Северной Азии произошли очень существенные изменения.

Что же именно произошло? каковы были источники данной трансформации? какие аспекты европейского знания и опыта повлияли на это? — поискам ответов на эти вопросы посвящена данная статья.

* * *

Завоевание и освоение Сибири русскими началось в конце XVI в., когда состоялся знаменитый поход Ермака (до этого имели место лишь отдельные эпизодические контакты). В последующие несколько десятилетий Москве удалось установить военно-политический контроль над огромными пространствами Северной Азии (от Урала на западе до Тихого океана на востоке и от Северного Ледовитого океана на севере до границ с Китаем на юге). В Сибири русские столкнулись с аборигенным населением, за которым первоначально закрепилось собирательное название «иноземцы».

Русская политика по отношению к иноземцам была чрезвычайно проста — от них требовалось, чтобы они признали над собой власть царя и регулярно платили ему ясак (дань пушниной). С этой целью их приводили к присяге (шерти), у них брали заложников (аманатов), дарили им царские подарки и т. п. Безусловно, различные племена и народы по-разному воспринимали приход русских, по-разному понимали свои отношения с ними (например, могли рассматривать их не как подчинение, а как союз). Однако с точки зрения русских все аборигены относились к одной категории населения; различали

лишь иноземцев «мирных» и «немирных», т. е. еще не подчиненных русской власти.

На всем протяжении XVII в. русская администрация не вмешивалась во внутреннюю жизнь аборигенных сообществ и не стремилась ее каким-то образом изменить. Русские в Сибири обращали мало внимания на образ жизни, языки, верования, обычаи иноземцев, воспринимая как должное тот факт, что они кардинальным образом отличаются от их собственных.

В целом контакты русских и аборигенов в это время носили крайне ограниченный характер. Говоря об этом, следует помнить, что в конце XVI–XVII в. основную часть русского населения Сибири составляли чиновники и военные (стрельцы и казаки), сосредоточенные в небольших городах и острогах, служивших опорными пунктами русской власти и центрами сбора ясака. Колонистов-земледельцев было еще очень мало — все они были сконцентрированы в нескольких небольших аграрных «очагах» на юго-западе Сибири (соответственно с аборигенами они практически не соприкасались и какого-либо воздействия на них не оказывали).

Сибирь конца XVII в. вполне можно сравнить с французскими владениями в Канаде (Новой Франции). Они представляли собой огромную территорию «индейской страны», включенной в орбиту военных, политических, экономических и религиозно-миссионерских контактов с французами, и небольшое аграрное ядро, расположенное в долине реки Св. Лаврентия. За пределами последнего французских поселенцев там было чрезвычайно мало, это были в основном торговцы, военные и миссионеры, сосредоточенные в фортах, построенных на основных речных путях. Так же как и в русской Сибири, во Французской Америке ведущей отраслью экономики в XVII в. являлся пушной промысел — с той лишь разницей, что французы получали пушнину не в виде дани, а символически скупали у индейцев (на самом деле, конечно, это была не торговля, а неэквивалентный обмен) (см.: [4, с. 80–81]).

Однако важное отличие допетровской Сибири от Новой Франции состояло в том, что русские иначе, чем французы, относились к миссионерской деятельности среди аборигенов.

Здесь мы имеем дело с интересным явлением. С одной стороны, русские рассматривали завоевание и освоение Сибири как реализацию Божественного промысла и считали, что на них Провидением возложена задача христианского преобразования этой территории (путем принесения в Сибирь света Православия). Поход Ермака трактовался как божественная кара для «басурманского» ханства Кучума, а присоединение Сибирского ханства к владениям Москвы — как небесный дар русскому монарху («царю и великому князю Ивану Васильевичу всея Руси подарова Бог Сибирское государство» [14, с. 60], Сибирь «Божьим повелением взята бысть» [14, с. 108] и т. п.). Дальнейшее продвижение русских по Сибири полностью преобразило ее, радикально трансформировав религиозный ландшафт. «...Солнце Евангелия землю Сибирскую осия <...> И Божиим повелением на многих местах поставишася грады и села, веси, в них же множество внутрения жителей православных пребывания быша...», «православная христианская вера распространилась» [14, с. 96, 98]. В результате «аще древле Сибирская земля идоложертвием помрачися, ныне же благочестием сияя» [22, с. 51].

С другой стороны, до начала XVIII в. русские не считали крещение сибирских аборигенов необходимым элементом своей политики. Как отметила американский историк В. Кивельсон, русские, выполняя свою имперскую миссию, «придерживались программы *христианизации без обращения*». Они считали, что

Бог искренне поддерживал русское дело, потому что оно обещало распространить Его имя и славу до края земли, но Ему было достаточно такой христианизации земли и ландшафта, которые необязательно основывались на обращении языческого населения <...> Без доли сомнения относительно духовного превосходства православного христианства московиты систематически допускали и устанавливали иерархию вероисповеданий... [13, с. 203]

Аналогичная ситуация складывалась в Английской Америке, колонизация которой также проходила под религиозными лозунгами, но при этом обращать индейцев в христианство колонисты не спешили (подробнее см.: [3]).

В то же время следует подчеркнуть, что в XVII в. именно религия служила основным индикатором отличия русского от иноземца. В том случае, если какой-либо представитель аборигенного сообщества принимал крещение, он автоматически переставал быть «иноземцем» и становился «русским» — он не должен был больше платить ясак, он переходил в какое-либо сословие (т. е. становился холопом, казаком, служилым человеком) и приравнивался к другим представителям этого сословия.

Подобные переходы русскими властями не возбранялись, но и не поощрялись. В документах того времени неоднократно повторялись фразы наподобие той, которая фигурировала в указе царевны Софьи (1685): «Буде которые иноземцы похотят креститься в православную христианскую веру волею своею, и их велеть принимать и крестить, а неволею никаких иноземцев крестить не велеть» [21, Т. II, № 1117, с. 662].

Это было обусловлено двумя причинами. Во-первых, как уже было отмечено выше, крещение сибирских аборигенов не считалось необходимым с точки зрения реализации русской имперской и религиозной миссии. Во-вторых, оно было невыгодно с экономической точки зрения, поскольку таким образом сокращалось количество плательщиков ясака, в чем государство было никоим образом не заинтересовано (пушной ясак составлял тогда до 25% доходной части бюджета России).

В результате к началу XVIII в. число крещеных среди сибирских «иноземцев» было невелико. Например, в Якутии в 1701 г. имелось всего 25 новокрещеных аборигенов [31, с. 85].

Петр I резко изменил эту ситуацию. С начала XVIII в. по его личной инициативе началась кампания по массовому обращению аборигенов Сибири в православие.

Еще в конце 1690-х гг. в беседе с патриархом Адрианом царь говорил о необходимости того, чтобы «зловерцы — татары, мордва, черемисы и другие — познали господа и закон его» (цит. по: [33, с. 404]). О необходимости крещения коренных жителей Сибири, а также распространения православия в Китае и Монголии, очевидно, говорилось в несохранившемся письме Петра I

из Англии главе Сибирского приказа Андрею Виниусу от 11 марта 1698 г. Это следует из ответа Виниуса на это письмо от 22 апреля того же года, где тот докладывал царю, что «[п]ослан указ к Сибирскому архиерею, чтоб, сыскав <...> ученых мужей для проповеди туда и крещения послал <...> [чтобы] впредь постоянно то апостольское дело расширялось» [20, с. 616–617].

18 июня 1700 г. был издан именной указ «об отыскании достойных людей для проповеди Евангелия Сибирским народам и Китайцам», где провозглашалась необходимость «утверждения и приумножения в православную христианскую веру и проповеди Св. Евангелия в тех идолопоклонных народах» и «приведения ясачных народов в веру христову и святое крещение» [21, т. IV, № 1800, с. 60].

В 1701 г., в самый тяжелый начальный период Северной войны, был издан указ об учреждении в Тобольске (тогдашней столице Сибири, где находилась в т. ч. и митрополичья кафедра) духовного училища. Оно должно было вести подготовку священнослужителей-миссионеров, которые «народ учить и многочисленных в Сибири иноземцев, не ведающих Создателя Господа Бога, приводить в познание истинной веры могли и потом ко святому крещению искать расширения до самого государства Китайского» (цит. по: [32, прим. 26]).

В 1702 г. новым сибирским митрополитом был назначен Филофей (Лещинский) — «муж просвещенный», выходец из Малороссии, воспитанник Киевской духовной академии (как и многие другие деятели Русской Православной Церкви петровской эпохи). В том же году он получил от царя очень важное разрешение крестить «иноземцев», не освобождая их от уплаты ясака, т. е. не меняя их статуса [18, с. 25].

Первоначально миссионеры, отправляясь к «иноземцам», предлагали им креститься «своей волей», т. е. добровольно и по желанию, ничем не угрожая, но и ничего не обещая взамен. Такие первые попытки обращения аборигенов Западной Сибири в православие были предприняты в течение первого десятилетия XVIII в. Однако миссии Филофея и его людей к хантам, кетам, селькупам и манси в середине — второй половине 1700-х гг. успехом не увенчались. Так же неудачей закончилась миссия архимандрита Мартинаиана на Камчатке в 1705 г. [27, с. 70]. «Иноземцы» дружно отказывались креститься.

Столкнувшись с такой ситуацией, власти решили прибегнуть к испытанной политике кнута и пряника (причем кнут, как часто бывает, был гораздо более весомым). В 1710 г. Петр приказал крестить остяков (хантов) и их «идолы огнем палить и капища разорять», а «если кто остяки учинят противостоят сему указу и тем будет казнь смертная». Крестившимся же была обещана «льгота» в уплате ясака (освобождение на несколько лет — обычно от 3 до 10) и подарки — рубашки, хлеб и т. п. [18, с. 26]. Подобные распоряжения издавались и в последующие годы. Так, 6 декабря 1714 г. был издан указ «Об уничтожении кумиров и кумирниц у Вогуличей, у Остяков, у Татар и у Якутов, и о крещении сих народов в Христианскую веру» [21, т. V, № 2863, с. 133].

Еще одним важным моментом было обеспечение поддержки миссионерской деятельности со стороны светских властей (сейчас мы бы назвали это привлечением «административного ресурса»). Еще в 1710 г. Филофей был извещен о том, что тобольскому воеводе Ивану Бибикову велено отправить

ему все, что «к походу понадобится». В дальнейшем Сибирский митрополит неоднократно получал разрешение брать «в городах их казны, что понадобится к тому крещению», а коменданты всех сибирских городов в свою очередь были обязаны «давать, что понадобится без всякого удержания» [21, т. V, № 2863, с. 133].

В 1711 г. Филофей на Тобольской кафедре сменил другой выходец из Малороссии, Иоанн (Максимович), однако Филофей (принявший схиму под именем Федор) остался в Сибири и продолжал заниматься миссионерской деятельностью. Его первая успешная миссионерская поездка состоялась в 1712 г., когда прибывший в Тобольск сибирский губернатор князь Матвей Гагарин взял ее организацию в свои руки. Миссионерам было выделено судно, продовольствие, деньги, подарки для новообращенных, к ним была приставлена вооруженная охрана и толмачи. Местные чиновники (сборщики ясака) заранее собрали аборигенов в том месте, куда должны были прибыть миссионеры [18, с. 33]. Так состоялось первое массовое крещение. Дело сдвинулось с мертвой точки.

В течение 1710-х гг. состоялось несколько миссионерских поездок самого Филофея/Федора и его соратников в различные регионы Сибири и Дальнего Востока, в результате которых были окрещено значительное количество аборигенов (прежде всего взрослых мужчин). Впрочем, точных данных о количестве новообращенных нет. Сам Филофей в 1721 г. говорил о 30 тыс.; Петр поздравлял его с крещением 40 тыс. — данная цифра получила широкое распространение (см., напр.: [25]), однако сложно сказать, чем она подтверждается. В любом случае это число было весьма значительным.

Безусловно, ответ на вопрос, что же было причиной вышеперечисленных изменений в аборигенной политике, не может быть однозначным. Несомненно, здесь необходимо учитывать взгляды Петра на отношения церкви и государства — те взгляды, которые нашли отражение во всей его политике по отношению к Русской Православной церкви (см., напр.: [24]). Однако свою роль сыграли и другие факторы — в т. ч. информация и знания, имеющие западноевропейское происхождение.

Говоря об этих «внешних», «западноевропейских» факторах, представляется возможным выделить четыре более частных и один более общий.

Первый фактор — это знакомство Петра и его сподвижников с европейским опытом миссионерской деятельности. Здесь необходимо выделить три аспекта. Первый — это феномен миссионерской деятельности сам по себе. Второй — это осознание значимости той роли, которую в миссионерской деятельности играют (и могут играть) монахи. Третий — угроза (пусть и в значительной степени гипотетическая) «конкуренции» со стороны протестантских проповедников, находившихся в 1710-е гг. среди шведских пленных в Сибири.

Как отметили еще русские дореволюционные историки, в России «до XVIII века о существовании миссии как правильно организованного института почти нельзя говорить». Несмотря на имевшие место отдельные кампании по обращению тех или иных групп нехристиан в православие, «правильно организованных миссий почти не было» [33, с. 847].

Уже в начале своего самостоятельного царствования (в т. ч. в ходе первой поездки за границу) Петр помимо прочего получил информацию об успехах

европейских миссионеров-монахов в деле обращения язычников. Источники получения этой информации могли быть различными, но можно предположить, что в первую очередь она исходила либо непосредственно от католиков, либо от тех, кто был хорошо знаком с успехами и достижениями католических миссионеров — в последнем случае имеются в виду прежде всего украинские церковные деятели.

Что касается католиков, то здесь в первую очередь нужно назвать генерала Патрика Гордона — шотландского якобита, — оказавшего значительное влияние на молодого Петра. Также отметим, что, в отличие от других русских царей, Петр был неплохо осведомлен о деятельности иезуитов, являвшихся «чемпионами» в деле распространения христианства за пределами Европы. В частности, царю было известно, что они «присвоили себе великие владения» в европейских и американских «землях» Испании и Франции [35, с. 44]. Петр лично сталкивался с иезуитами еще в Австрии, а затем и в Москве, где с 1698 г. существовала иезуитская миссия. В целом, как признает большинство исследователей, Петр и его сподвижники ценили академические и технические знания иезуитов и, в определенной степени, их компетентность в вопросах богословия, хотя и относились к ним очень настороженно (см.: [34]).

Был и еще один любопытный источник информации о миссионерской деятельности. 1 июня 1700 г. А. Д. Меншикову для передачи царю было подброшено «подметное письмо». В нем, в частности, говорилось: «Слышно из Польши, что повсюду в дальние и незнаемые страны для проповеди слова Божия ходят иезуиты без мзды и приводят иноверцев в *Православную веру* (выделено мной. — Ю. А.) — яко же и прежде апостолы» [33, с. 848]. Известно, что Петр ознакомился с его текстом. Кто являлся автором этого письма, точно неизвестно. Еще в XIX в. С. А. Белокуров предположил, что это мог быть Иван Посошков, однако это лишь гипотеза [7]. Впрочем, она косвенно подтверждается тем, что Посошков был в курсе успехов миссионерских усилий католиков и сетовал на то, что православные русские отстают от них в этом вопросе. В «Завещании отеческом» он восклицал:

Воззри, сыне мой, на Римлян и поревнуй им в трудех сих! Аще бо они в вере, от возношения своего, и погрешили, еже от восточныя Церкви соединения отпадоша, обаче апостольского делания от себя не отвергоша, но со усердием исправляют: ибо не токмо во своей единой области из неверия в христианскую веру приводити, но и в далечайшия страны не обленишася ходити и Слово Божие проповедати

<...>

И на такое их тщание зря, не стыдно ли нам? Верою мы аще и правы, а дела-ми и радением и человеческом спасении весьма неправы есмы: не то, чтобы нам, проходя во иные царства, Слово Божие проповедати, но и во своем не умеем. На что легче на свете к приведению, ко приятию веры христианские, Мордвы и Черемисы и Чуваши и прочих таковых безграмотных людей, а и тех не можем ко христианской вере перевести! [23, с. 323–324]

Также информация о миссионерской деятельности (осуществлявшейся монахами) поступала в Россию от иерусалимского патриарха Досифея II. В одном из своих писем патриарх сообщал о «папешских монахах» (т. е. папских,

католических), которые обошли с проповедью весь мир [33, с. 848]. Именно к Досифею после взятия Азова обращался царь с просьбой о присылке в Россию знающих проповедников, которые «могли бы в тамошней стране не только что живущих христиан ко спасению приводить, но и пограничных бы народов из поганства в благочестивую православную католическую веру греческого закона навращать [обращать] и в оной утверждать». Правда, Иерусалимский патриарх тогда ответил, что в этом деле он ничем не может помочь Петру [33, с. 466].

Что касается выходцев из Малороссии, то, как известно, именно при Петре I их влияние в русской церкви резко возросло. По выражению К. В. Харламповича, в них царь видел «ученых и просвещенных архипастырей», способных выполнять поставленные им задачи [33, с. 466]. Не случайно уже в упоминавшемся выше указе от 18 июня 1700 г., с одной стороны, подчеркивалось, что проповедников для Сибири следует искать «в малороссийской области городах и монастырях»; а с другой — говорилось, что в миссионерской деятельности там должны участвовать «добрые и ученые не престарелые иноки» [21, т. IV, № 1800, с. 60].

Как было отмечено выше, первоначально служители РПЦ пытались склонить сибирских аборигенов к крещению исключительно мирным путем, и только с начала 1710-х гг. был взят курс на насильственное обращение при помощи государства. Причем последнее осуществлялось не повсеместно, а в основном в Западной Сибири, прежде всего в районе Тобольска. Именно там предписывалось действовать наиболее жесткими мерами. В связи с этим нами была выдвинута гипотеза, что определенную роль в этом могла сыграть угроза (пусть и гипотетическая) того, что протестантские проповедники-пиетисты, находившиеся в то время в Тобольске среди шведских пленных, могут начать обращать сибирских «иноземцев» — «дикарей» и язычников, в протестантизм. В 1711–1721 гг. пленные шведы (среди которых было немало образованных людей) составляли до 10% населения «столицы» Сибири, а их община жила весьма напряженной религиозной жизнью (подробнее см.: [2]). Когда пиетист Курт Фердинанд фон Врех основал в Тобольске шведскую школу, она позиционировалась в значительной степени как институция, нацеленная на подготовку будущих миссионеров. В переписке Вреха с европейскими пиетистами часто встречаются сетования на то, как «ужасно наблюдать, как остяки занимаются идолопоклонством» (цит. по: [11, с. 73]). Соответственно он вполне мог стремиться к тому, чтобы исправить ситуацию.

Если опыт монашеской миссионерской деятельности был в определенной степени заимствован от католиков, то свои взгляды на организацию государства и общества и роль церкви в этой организации Петр I взял преимущественно у протестантов.

Это связано со **вторым фактором** — стремлением царя-преобразователя к рационализации, упорядочиванию и единообразию в государственном масштабе, а также с его утилитарным подходом к Русской Православной церкви как к части государственного аппарата, инструменту воспитания хороших подданных, средству осуществления над ними идеологического контроля. Здесь уместно вспомнить высказывание самого Петра: «Понеже все должности

наилучше сохраняются ежели через страх Божий к сему доброе основание заложено будет» [16, с. 53–55].

Соответственно языческой Сибири, где, по словам соратника митрополита Филофея — ссыльного малоросса Григория Новицкого, «зловерие идолюбесия невозбранно храняшесь» [17, с. 60], не было места в регулярном государстве Петра. При этом, как отметил церковный историк И. К. Смолич, если раньше (до Петра) речь шла об обращениях нехристиан в православие именно потому, что это истинная религия, а не главенствующая церковь в государстве; теперь ситуация повернулась на 180 градусов — т. е. вопрос ставился именно о приведении язычников в лоно «господствующей церкви» [28, с. 201].

На это же обратил внимание Д. Дальман, утверждавший, что язычество выступало в качестве барьера, отделявшего сибирских аборигенов от основной массы более прогрессивного населения империи; и этот барьер надлежало уничтожить [10, с. 148].

Влияние протестантизма, несомненно, проявилось в отношении Петра к религиозному мистицизму, суевериям и т. п. Именно в этом контексте следует рассматривать непримиримо враждебную позицию по отношению к язычеству — как к наиболее примитивной и грубой форме религии. Как отмечал В. Н. Татищев — один из главных апологетов петровской эпохи, — «какие науки вредными мнить? <...> сии <...> зовутся волхование, ворожбы, колдунство» [30]. И не случайно в указах Петра мы встречаем множество резких заявлений с осуждением «слепоты идолослужения», «мнимых богов шайтанов» и т. п.

Третий фактор связан с общими взглядами Петра на прогресс и его практической просветительской деятельностью. В ее основе лежало представление о движении народов от «детства» к «зрелости» и необходимости прогресса в знаниях как залога «государственного взросления». В этой ситуации, как отметил американский историк Ю. Слезкин, «когда Петр Великий провозгласил, что Россия должна догнать Европу, казалось вполне естественным, что и российским иноземцам есть кого догонять» [27, с. 68].

Крещение аборигенов, с точки зрения Петра, должно было поднять их на новую ступень цивилизации. В идеале крещение должно было сопровождаться распространением грамотности и изменением образа жизни. Как отмечал вышеупомянутый В. Н. Татищев, «весьма нужно школы такие устроить, чтобы <...> их младенцы русской грамоте, языку и закону божьему учиться возможность имели, чрез что их весьма удобно всех вскоре в христианство и благочестивое житье привести и к домовому житию приучить». При этом он ссылаясь на шведский опыт: «...у шведов равно те же лапландцы, что у нас и гораздо дичае, нежели мордва, чуваша, черемиса, вотяки, тунгусы и пр., но неусыпным духовным трудом многое число крещено и для них книги на их языках напечатаны» [30, с. 104]. Также уже упоминавшийся нами И. Т. Посошков предлагал осуществить весьма радикальную и жесткую программу христианизации и русификации аборигенов с принудительным обучением их детей русскому языку и «русской грамоте». «И аще сиче учиниши, то себе великой прибыток духовной и душевной учиниши, а великому Государю вековечную прибыль учиниши и расширения православного народа неоскудное сотвориши; а и твоя слава, яко на земли, паче того на небеси в неокончаемые веки веков не угаснет» [23, с. 325].

Очень показательным представляется акт Сибирского приказа, увидевший свет уже после смерти Петра, в 1731 г., но в концентрированном виде отразивший изменившийся подход к христианизации сибирских аборигенов: «Когда оной народ Бога истинного познает, то и мерзкое свое бедное житье переменяет и будут жить домами, тогда доходнее государству быть может...» (цит. по: [29, с. 177]).

Итак, усилиями Петра сибирские иноземцы превратились в объект просвещения, с одной стороны, «угодного Богу», а с другой — нужного и прибыльного государству. И именно царя-преобразователя следует считать подлинным «апостолом Сибири» (это определение закрепилось за Филофеем Лещинским, который, безусловно, был незаурядным церковным деятелем, но при этом в первую очередь являлся исполнителем замыслов Петра).

Также следует учитывать, что тогда же за представителями аборигенных сообществ закрепилось определение «отсталые», которое появилось в России наряду с понятием «прогресс» (в XVII в. в допетровской России «иноземцев» никто отсталыми не считал). Крещение должно было способствовать преодолению этой «отсталости», однако на практике этого не произошло. На всем протяжении XVIII в. русские воспринимали аборигенов Сибири как людей «грубых», «диких», «невежественных», «глухих» и т. п. В России, в отличие от Франции, не получило широкого распространение понятие «экзотизм». По мнению уже упоминавшегося выше Ю. Слезкина, это было связано с тем, что русские заимствовали свои подходы преимущественно от германских ученых и мыслителей, которые «с презрением относились к заигрыванию своих французских коллег с примитивизмом» [27, с. 76].

Наряду с этим сибирские аборигены становятся объектом научного исследования — это еще одна новая тенденция в политике по отношению к ним, возникшая при Петре. Именно при нем началось изучение Сибири, которое помимо прочего включало и сбор информации о ее аборигенах (этнографической, лингвистической, исторической и др.). В 1719 г. в Сибирь был направлен Даниил Готлиб Мессершмидт, которому было поручено там изучать в т. ч. «народы и их языки», причем собранные им материалы сохранили свое значение до настоящего времени. Еще до него сбором информации об аборигенах занимались шведские пленные (см.: [9]). Их данные легли в основу анонимного описания Сибири, выпущенного в 1725 г. [5, с. 430–431].

Сибирь также привлекала Петра как источник разного рода «дикивинок». Например, в 1702 г. царь потребовал прислать из Сибири шаманов, которые бы «совершенно шаманить умели» [19, кн. 1, № 62, с. 40]. Любопытно, что березовский воевода Леонтий Хрущев первоначально не выполнил данное распоряжение, поскольку не был уверен в том, что он нашел подходящих людей (он говорил, что они умеют только бить в бубен и кричать и не представляют ничего интересного). Тогда ему было сделано грозное внушение о том, что он поступил «негораздо» и велено найти и отправить шаманов в Москву «без промедления». Уже в начале 1720-х гг. Петр снова требовал присылки в Петербург шаманов, а также сибирских мужиков с «шитыми рожами» [19, кн. 2, № 279, с. 365] — так называли аборигенов с особым образом татуированными лицами — татуировка делалась путем протыкания или «прошивания» кожи насквозь.

И, наконец, — **четвертый фактор** — последний по порядку, но далеко не последний по значимости. Это — европоцентристские взгляды Петра. Можно спорить о характере отношения Петра к Европе, но не подлежит сомнению, что он признавал исключительное, лидирующее, господствующее положение Европы в мире, выдающийся характер ее достижений, и считал необходимыми для России преобразования по европейским образцам.

Помимо прочего Петр стремился придать европейскую форму самому характеру России как политического единства (как политического целого), переделать геополитический образ страны, сделать его более узнаваемо европейским. Как отметил американский историк М. Бассин, в этой связи особое значение приобрел тот факт, что Россия расположена на двух континентах (в двух частях света) — Европе и Азии. Этот факт, по словам Бассина,

подчеркивал основную дихотомию российского физического тела, которая по крайней мере внешне, казалось, воспроизводила такую же дихотомию западных империй и могла представляться дополнительным доказательством естественного родства с ними. Как Испания или Англия, Нидерланды или Португалия, <...> Россия также могла быть разделена на два важнейших компонента: с одной стороны, коренные земли или метрополия, которая принадлежит к европейской цивилизации, и с другой — обширная, но чужая вне-европейская периферия [6, с. 238].

Конечно, и в допетровскую эпоху Сибирь по сути являлась колонией (и была, как уже отмечалось выше, во многом схожа с английскими и французскими владениями в Северной Америке, особенно в Канаде — Новой Францией, Владениями Компании Гудзонова залива), однако именно при Петре произошло осознание и осмысление этого факта с использованием европейских терминов и подходов. Не случайно уже во второй половине XVIII в., а затем на всем протяжении XIX в. и в сочинениях российских историков (начиная с Н. М. Карамзина), и в представлениях российских чиновников, и во взглядах общества Сибирь будет фигурировать в качестве «нашей Мексики и Перу» [26, с. 24], а Ермак и другие исследователи Сибири будут часто сравниваться с Кортесом и Писарро [12, с. 935].

Сибирские же аборигены остались объектом эксплуатации, но вместе с тем они превратились в объект приложения миссионерских и просветительских усилий, а также в объект научного изучения и в этом, несомненно, велика роль европейского знания, отголоски которого докатились до самых отдаленных окраин Российского государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамов Н. А. Материалы для истории христианского просвещения Сибири со времени покорения ее в 1581 г. до начала XIX столетия // Журнал Министерства народного просвещения. — 1854. — Ч. 81, № 2. — Отд. V. — С. 15–38; № 3. — С. 39–56.
2. Акимов Ю. Г. Объект любопытства, изучения, просвещения и эксплуатации: сибирские аборигены в политике Петра I // Петр I и Восток. Материалы XI Международного петровского конгресса, 1–2 июня 2018 года. — СПб.: Европейский дом, 2019. — С. 261–271.

3. Акимов Ю. Г. Отношение к христианизации аборигенов в Русской Сибири и Английской Америке XVII века: случайное совпадение или глубинное сходство? // Историческая наука в XXI веке в фокусе современного гуманитарного знания: традиции, новации, преемственность (II чтения имени профессора И. П. Попова): Материалы Всероссийской научно-практической конференции, 24–25 мая 2016 г. / под. ред. А. Д. Поповой, О. Д. Поповой. — Рязань, 2016. — С. 53–57.
4. Акимов Ю. Г. Северная Америка и Сибирь в конце XVI — середине XVIII в.: Очерк сравнительной истории колонизаций. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2010. — 372 с.
5. Алексеев М. П. Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей, XIII–XVII вв. Введение, тексты и комментарий. 3-е изд. — Новосибирск: Наука, 2006. — 504 с.
6. Бассин М. Россия между Европой и Азией: идеологическое конструирование географического пространства / пер. с англ. // Российская империя в зарубежной историографии: Работы последних лет: Антология / сост. П. Верт, П. С. Кабытов, А. И. Миллер. — М.: НЛО, 2005. — 696 с.
7. Белокуров С. А. Подметные письма Голосова, Посошкова и др. (1700–1705) // ЧОИДР. — 1888. — Кн. 2. — С. 1–80.
8. Буцинский П. Н. Крещение остяков и вогулов при Петре Великом. — Харьков, 1893. — 97 с.
9. Вебер Х. В. Записки брауншвейгского резидента Вебера о Петре Великом и его преобразованиях (1714–1719) // Русский архив. — 1872. — Вып. 6. — Стб. 1051–1168.
10. Дальман Д. Сибирь. С XVI в. и до настоящего времени. — М.: Политическая энциклопедия, 2015. — С. 148.
11. Зиннер Э. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII века. — Иркутск: Восточно-сибирское книжное издательство, 1968. — С. 73–74.
12. Карамзин Н. М. История государства Российского: Полное издание в одном томе. — М.: Альфа-книга, 2011. — 1279 с.
13. Кивельсон В. Картографии царства: Земля и ее значение в России XVII века / пер. с англ. — М.: НЛО, 2012. — 360 с.
14. Летописи сибирские / сост. и общая ред. Е. И. Дергачевой-Скоп. — Новосибирск: Новосибирское кн. изд-во, 1991. — 270 с.
15. Мышлаевский А. З. Петр Великий: Военные законы и инструкции. — СПб.: Военная типография в здании Главного штаба, 1894. — 184 с. (Сборник военно-исторических материалов. Вып. 9).
16. Новицкий Г. И. Краткое описание о народе остяцком. — СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1884. — 120 с.
17. Огрызко И. И. Христианизация народов Тобольского Севера в XVIII в. / под ред. С. В. Бахрушина. — Л.: Ленингр. отд. учеб.-пед. изд-ва Наркомпроса РСФСР, 1941. — 148 с.
18. Памятники Сибирской истории XVIII в. — Кн. 1. — СПб., 1882. — 606 с.; Кн. 2. — СПб., 1885. — 592 с.
19. Письма и бумаги императора Петра Великого. — СПб., 1887. — Т. I (1688–1701). — 888 + LIII с.
20. Полное собрание законов Российской империи. Первое собрание. — СПб., 1830.
21. Полное собрание русских летописей. — М.: Наука, 1987. — Т. 36: Сибирские летописи. Ч. 1: Группа Есиповской летописи / отв. ред. А. П. Окладников, Б. А. Рыбаков. — 381 с.
22. Посошков И. Т. Завещание отеческое / под ред. Е. М. Прилежаева. — СПб., 1893. — С. 325–326.

24. Софронов В. Ю. Причины начала христианизации населения Западной Сибири в начале XVIII века // Сибирская заимка: История Сибири в научных публикациях. 30.01.2012. — URL: <https://zaimka.ru/sofronov-missionary-activities/> (дата обращения: 01.11.2020).
25. Софронов В. Ю. Светочи земли Сибирской: биографии архипастырей тобольских и сибирских (1620–1918 гг.). — Екатеринбург: Уральский рабочий, 1998. — 263 с.
26. Сибирь в составе Российской империи / отв. ред. Л. М. Дамешек, А. В. Ремнев. — М.: НЛО, 2007. — 368 с.
27. Слезкин Ю. Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера / авторизованный перевод с англ. — М.: НЛО, 2008. — 512 с.
28. Смолич И. К. История Русской церкви: [в 9 кн.]. — М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1997. — [Кн. 8], ч. 2: 1700–1917. — 798 с.
29. Стрелов Е. Д. Акты архивов Якутской области. — Якутск, 1916. — Т. 1. — 314 с.
30. Татищев В. Н. Избранные произведения. — Л.: Наука, 1979. — 464 с.
31. Федоров М. М. Правовое положение народов Восточной Сибири: XVII — начало XIX века. — Якутск: Кн. изд-во, 1978. — 287 с.
32. Филофей (Лещинский). Челобитная митрополита сибирского и тобольского, Филофея Лещинского, Петру Великому и ответ сего государя на нее / сообщ. прот. А. Сулоцкий. — М., 1863–40 с.
33. Харлампович К. В. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. — Казань: Изд. книжного магазина М. А. Голубева, 1914. — Т. 1. — 980 с.
34. Шлафли Д. Л. Петр Великий и иезуиты / пер. с англ. // Петр Великий / сост. и ред. Е. В. Анисимов. — М.: ОГИ, 2007. — С. 137–155.
35. Штелин Я. Подлинные анекдоты о Петре Великом, собранные Яковом Штелиным. 3-е изд. — М.: Решетников, 1830. — Ч. 1. — 210 с.